

Ethnic Elite in the Victimization of Ethnic Communities¹

(a) Darya V. Makovskaya, (b) Gennadii V. Kosov

(a) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: 76mdvl[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-0935-2558

(b) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: kossov1[at]yandex.ru ORCID: 0000-0002-1422-895X

Abstract

The article examines the role of the ethnic elite in the victimization of the ethnic groups of the North Caucasus and the Crimean Tatars. The expediency of considering the victimization of the collective consciousness of ethnic communities through the prism of the fate of ethnic elites in ethno-political conflicts in order to achieve the desired status positions is substantiated. It is proved that the victimization of ethnic communities can have a determining effect on their subjective perception of the ethno-status position, which subsequently itself will contribute to the development and consolidation of the victim complex.

The levels of victimization of the collective consciousness are distinguished. The components of the ethnic elite and its role in the functioning of ethnic communities, the key directions of its rational activity of the ethnic elite are designated. The basic strategic directions and motivations for the activity of segments of the elite groups of ethnic groups are analyzed. The key directions of the efforts of ethnic elites to victimize the collective consciousness of ethnic communities, their goals and possible consequences are highlighted.

Keywords

Ethnopolitical conflict; ethnic identity; ethnic status; victimhood; victim complex; ethnic elite.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ The article was carried out with the financial support of the RFBR and the Government of Sevastopol within the framework of the scientific project №20-41-920003 «Determinants and mechanisms of fixing the victim complex formed by the deportation of 1944 in the collective consciousness of the Crimean Tatars of the city of Sevastopol and tools to overcome it.

Этническая элита в виктимизации этнических общностей¹

(а) Маковская Дарья Владимировна, (б) Косов Геннадий Владимирович

(а) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: 76mdvl[at]mail.ru ORSID ID 0000-0003-0935-2558

(б) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: kossov1[at]yandex.ru ORCID: 0000-0002-1422-895X

Аннотация

В статье рассматривается роль этнической элиты в виктимизации этносов. Обосновывается целесообразность рассмотрения виктимизации коллективного сознания этнических общностей через призму участия этнических элит в этнополитических конфликтах с целью достижения желаемых статусных позиций. Доказывается, что виктимность этнических общностей может обладать детерминирующим воздействием на их субъективное восприятие этностатусного положения, которое впоследствии само будет способствовать развитию и закреплению комплекса жертвы.

Выделяются уровни виктимизации коллективного сознания. Обозначаются и определяются составляющие этнической элиты и ее роль в функционировании этнических общностей, ключевые направления рациональной деятельности этнической элиты. Анализируются базовые стратегические направления и мотивации деятельности сегментов элитных групп этносов. Выделяются ключевые направления усилий этнических элит по виктимизации коллективного сознания этнических общностей, их цели и возможные последствия.

Ключевые слова

Этнополитическая конфликтность; этническая идентичность; этнический статус; виктимность; комплекс жертвы; этническая элита.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-411-920003 «Детерминанты и механизмы закрепления сформированного депортацией 1944 года комплекса жертвы в коллективном сознании крымских татар города Севастополя и инструменты его преодоления».

Введение

В современном социуме этнические различия остаются одним из наиболее рельефных дифференцирующих маркеров и мощнейшей социальной силой. Зачастую она проявляет себя в качестве неразрешимых социальных противоречий, связанных с этнической идентичностью. Одним из самых неизученных моментов в этой сфере является влияние на возникновение и развитие этнополитической конфликтности виктимизации массового сознания этнических групп, которое зачастую осуществляется при участии представителей этнических элит с опорой на присутствие в прошлом у отдельных этносов травмирующего опыта. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется у этносов Северного Кавказа и крымских татар, что, соответственно, определяет цель нашего исследования, которая состоит в выявлении роли этнической элиты в виктимизации общественного сознания этнических общностей.

Методология

Рассматривая стратегии элиты в эксплуатации комплекса жертвы этносами Северного Кавказа и крымскими татарами, мы исходим из того, что он может быть использован в борьбе элитных групп для конфликтной этномобилизации с целью борьбы/отстаивания/поддержания своих статусных позиций.

Существующие исследования в данной области преимущественно сосредоточены на виктимных проявлениях социальных статусов в различных сферах жизни общества (образовательной, бытовой, здравоохранения и так далее), на изучении индивидуальной и групповой виктимности относительно того или иного вида преступления (Wallengren & Wigerfelt 2020). Этнический компонент присутствует в изучении проблемы виктимности этнических меньшинств, в том числе в сфере детерминации криминальных посягательств.

Влияние стратификационных различий, как правило, исследуется в контексте влияния социального пространства жизнедеятельности социальных субъектов на их виктимизацию (Гостунская 2007; Мухина 1999). Например, Андронникова О.О., выстраивая социальную модель виктимизации, говорит о влиянии социально-экономического расслоения, отсутствия социальных лифтов, неравномерности распределения социальных благ на динамику и специфику виктимности (Андронникова, 2018).

Одно из наиболее значимых исследований в области выявления особенностей виктимности социальных статусов по отношению к наиболее важным тенденциям современной стратификации общества реализовано в работе Вишневецкого К.В. «Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе» (Вишневецкий, 2012).

Влияние виктимологического компонента на возникновение и развитие этнополитических конфликтов затронуто в исследовании Велешко Е.Н.

«Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов», в котором уделяется место статусным претензиям крымскотатарских репатриантов (Велешко, 2007).

Виктимологические аспекты этнополитической конфликтности проявляются в качестве характеристики социальной среды жизнедеятельности этнических субъектов, где виктимологическим содержанием обладает неравенство по этническому признаку. Оно играет значительную роль в детерминации этнополитических конфликтов и стремлении этнических общностей изменить в свою пользу существующую систему социальной стратификации. При этом большое значение в возникновении и развитии этнополитического конфликта имеет оценка своего статусного положения этническими субъектами.

Виктимологический аспект реализуется через уязвимость этнических субъектов (на индивидуальном и групповом уровнях) по отношению к совершаемым в отношении них на основании деликтов проявлениям неприязни по этническому признаку. Например, виктимизация этнических общностей может проявляться в форме идентитаризма по отношению к аллохтонным группам, что ярко демонстрируется на примере отношения к классическим для Европы виктимным группам, исторически играющим роль «Другого», евреям и цыганам, а в последние десятилетия к выходцам из Турции, мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки (Водак 2018, стр. 60).

Со стороны органов власти виктимизация реализуется через дискриминацию по этническому признаку, предельной формой которой в жестко ранжированных этностратификационных системах выступают геноцид и этноцид (Налчаджян, 2011).

Также мы рассматриваем этническую идентичность в качестве маркера социальной группы, демонстрирующей виктимное поведение по отношению к реальному или сконструированному врагу. Виктимность этнического субъекта может быть следствием детерминирующего влияния, присущего объективному этностатусному положению и его субъективному восприятию. Интерпретация этностатусного положения как ущемленного, несоответствующего должному, может сформировать у этнической общности «комплекс жертвы», который относится к аффективным комплексам недостаточности (Велешко, 2007).

Присутствие комплекса жертвы приводит к негативной, конфликтной консолидации и мобилизации этнической общности, которая реализуется через культивируемую борьбу с идентифицированным врагом. В роли условного «врага» выступает контактирующий этнос, государство, внешние субъекты. Они могут рассматриваться в коллективном сознании этнической общности как совершившие преступление по отношению к демонстрирующему виктимное поведение этническому субъекту.

Для поведения жертвы характерна агрессия по отношению к окружающему миру и идентифицированному преступнику, которого она стремится

наказать. Вину за присутствующие у жертвы проблемы в различных сферах жизни она возлагает на внешнее воздействие и стремится получить компенсацию за причиненный явный или воображаемый ущерб. Соответственно, в данном случае поведение этнической общности будет носить агрессивные компенсаторные черты (Велешко, 2007) и может быть связано с требованием сатисфакции, или возмещения причиненного ущерба.

В основном этностатусные притязания связаны с наиболее значимым объективным показателем этнического статуса, к которому относится доступ к государственной власти, обладание которым является признаком высокого статуса, повышает конкурентность в борьбе за дефицитные ресурсы, дает возможность представителям этнической общности проводить политику в интересах своей этногруппы. Кроме того, обладание властью представителями одного этноса оказывает прямое воздействие на становление этностатусных представлений, и всякий этнос, чувствующий себя ущемленным в какой-либо сфере жизни полиэтнического государства, в первую очередь стремится получить доступ к власти.

Эта тенденция зачастую проявляется в форме виктимного этнонационализма, что демонстрируют идеологические основы нациестроительства на постсоветском пространстве.

Роль элиты в виктимизации этнического сознания

Рассуждая о стратегиях эксплуатации комплекса жертвы, присутствующего в массовом сознании крымских татар и этносов Северного Кавказа, можно обратить внимание на два ключевых взаимосвязанных и взаимозависимых уровня его реализации. Первый уровень – это эксплуатация комплекса жертвы в тактическом инструментарии акторов международной политики. Второй уровень – эксплуатация комплекса жертвы на уровне этнической элиты.

На верхнем уровне он может применяться через эксплуатацию дискурса геноцида, который достаточно часто используется вне его юридически закрепленного наполнения. Более того, существуют попытки использовать феномен «косвенного геноцида» (Бахревский 2013, стр. 97), где «выделяют направленное экономическое вмешательство; изменение культурно-исторической среды; биологическое вмешательство, в том числе и на генетическом уровне; направленное изменение природных условий и т.п.» (Черновицкая 2008, стр. 166).

Здесь мы можем говорить об использовании дискурса геноцида в качестве инструмента международного давления, для легитимации и делегитимации деятельности государств ведущих акторов международных отношений.

Дискурсы виктимизации применяются с целью геополитического дистанцирования и конструирования нации, что особенно характерно для постсоветского пространства. Некоторыми бывшими советскими республиками обоснование суверенности и обеспечения геополитического дистанцирования от РФ

осуществлялось на основании виктимизации населения этих государств и формировании у населения негативного отношения к совместному периоду истории. Совпадающей целью здесь является использование дискурса геноцида с целью конструирования нации. В частности, лейтмотивом конструирования украинской нации в рамках стратегии «этнозащитного национализма» и формирования массового комплекса «жертвы» стала административная виктимизация населения Украины с помощью внедряемой в массовое сознание интерпретации голодомора 1932–1933 гг. в СССР как геноцида, направленного на целенаправленное уничтожение украинцев.

Дискурс геноцида может использоваться как катализатор процессов дестабилизации территориальной дезинтеграции, в частности, для запуска и активизации дезинтеграционных процессов внутри Российской Федерации, формирования у некоторой части населения негативного отношения к федеральному центру, осуществляемое через внедрение определенных исторических нарративов и жесткого конструктивистского подхода к интерпретациям истории.

Яркое описание эксплуатации виктимизации для этих целей представлено в статье Мишеля Кейси «Деколонизация России», где автор настаивает на необходимости освобождения от «колониальной» зависимости от России ряда ее территорий, в том числе Чечни, Татарстана, Карелии, Коми, Саха, Башкортостана, Чувашии, Калмыкии, Удмуртии, а также народов Арктики и Сибири (Casey, 2022).

Здесь можно упомянуть использование комплекса жертвы в реализации геостратегических проектов акторов международной политики. Например, на Северном Кавказе в контексте американской концепции «стратегического терпения» или продвижения проекта «Большой Кавказ» эксплуатировался этнический ресурс, который сопрягался с процессами этнической мобилизации, обусловливаемой конструированием и внедрением в общественное сознание представителей северокавказских этносов виктимизирующих этноисторических мифов. В виктимизации массового сознания и использовании комплекса жертвы в тактическом инструментарии внешней политики активное участие принимают негосударственные акторы (различные НКО, представители диаспоры и так далее).

Эксплуатация комплекса жертвы во внешнеполитических стратегиях невозможна без поддержки отдельных представителей элитных групп этносов, которым на разных этапах современной истории Российской Федерации были присущи разной степени интенсивности попытки использования эксплуатации комплекса жертвы для реализации рациональных интересов. Рассматривая данный вопрос, необходимо определиться с наполнением термина «элита» применительно к данному исследованию.

В самом широком смысле элита – это высшая страта в ранжированном обществе, в зависимости от основания для стратификации включающая поли-

тическую, экономическую, бюрократическую, интеллектуальную, идеологическую, этническую и военную составляющие.

Этническую элиту можно рассматривать как часть этнической группы, которая претендует на роль ее лидера и политического руководителя. Этническая элита неоднородна. Она включает в себя как членов политической элиты, имеющих доступ к контролю над частью политических, экономических, символических ресурсов общества, в определенной степени определяющих государственную политику, влияющих на управление всеми сферами социальной жизни. В политическую элиту входит контрэлита, стремящаяся изменить всю политическую систему и участвующая в этномобилизации. К этнической элите можно отнести представителей этноса, контролирующих материальные и финансовые ресурсы общества, то есть экономическую элиту, а также интеллектуальную и творческую элиту, осуществляющую трансляцию и объективацию этнокультуры. Представители всех этих сегментов этнической элиты могут быть задействованы в работе различных общественных организаций, занимающихся вопросами функционирования и развития своего этноса. Таким образом, этническая элита представляет собой системное единство политических, экономических, творческих и интеллектуальных элит, находящихся в прямом и косвенном взаимодействии, представляющих и отстаивающих интересы этноса в формах философии, политики, искусства и др., в целом решающих жизненно важные проблемы жизнедеятельности этноса.

Исследователи выделяют следующие функции этнической элиты:

1. Гносеологическую, то есть формирование систематизированного теоретико-концептуального знания обо всей культуре этноса;
2. Аксиологическую, то есть формирование и трансляцию шкалы ценностей;
3. Коммуникативную, то есть создание условий и средств межэтнического и внутриэтнического общения, передача этнокультурной информации;
4. Интегративную, то есть объединение народа, на основе единых взглядов, убеждений, ценностей;
5. Аккумулятивную, то есть сохранение культурного наследия народа; накопление, хранение, обобщение этнокультурного опыта;
6. Символическую, то есть превращение реальных явлений и социально-значимой информации, которая существует в коллективной, живой памяти носителей этнической культуры всех таксономических уровней, в информационно-символический пласт культуры;
7. Эстетическую, то есть создание этнически окрашенных представлений о прекрасном/безобразном, упорядоченности/неупорядоченности окружающего человека мира;
8. Мировоззренческую, то есть интерпретацию настоящего состояния этноса и культурное наследие прошлого, через которое оказывается влияние на систему взглядов на мир, и тем самым формируется отношение человека

этнической общности к окружающему миру и к самому себе (Инкижекова, 2010, стр. 96-97).

Реализуя свои функции, представители этнической элиты могут руководствоваться разными целями. В зависимости от них этноэлиты делятся на «прагматиков» и «романтиков», где последние – «это этнические активисты, искренне стремящиеся к удержанию и развитию определенной этнической идентичности и пытающиеся заразить этим стремлением максимальное количество людей» (Малахов 2007). Прагматики же руководствуются соображениями рационального выбора.

В зависимости от складывающихся отношений, политической ситуации, субъектов взаимодействия, рациональность этнической элиты имеет разный вектор. Если манипуляции с использованием этнического самосознания правящей элите позволяют обрести или сохранить экономические ресурсы, то в данном случае ее в действиях присутствует экономическая рациональность. Политическая рациональность проявляется в случаях, когда элиты стремятся удержать, а контрэлиты завоевать властные позиции, проводя политическую мобилизацию по этническим разделительным линиям, или оправдывая свое правление на языке национальных устремлений. Конститутивная рациональность в этнополитике проявляется в том случае, когда действия элиты направлены на укрепление политически единого общества путем установления границ, исключая или включающих те или иные этногруппы.

Так или иначе, конструирование этнополитической конфликтности, основанное на рациональном выборе «прагматиков», в большинстве случаев связано с борьбой за статусные позиции этногруппы или борьбу за иерархические позиции внутри нее.

«Прагматики», руководствующиеся при формировании и закреплении образа жертвы в массовом сознании этнических общностей аргументами борьбы за повышение статусных позиций могут достигать своих целей через мобилизацию электората через виктимизацию массового сознания на основе аргументации получения сатисфакции как жертвы или расширения суверенитета. Другим вариантом повышения уровня статусных полномочий является получение должностей, в том числе формальных, при поддержке федерального центра (Захаров, 2012, стр.112, 114), получение доступа к контролю над отдельными экономическими нишами и финансовыми потоками. Снижение уровня этнической мобилизации вследствие действий элитных групп в определенной степени является «платой» за предоставляемые федеральным центром преференции и возможно элементом шантажа.

Существуют ситуации, когда властные полномочия, связанные с представлением интересов этнических общностей, в результате борьбы внутри себя этнической общности и/или при патронате со стороны федерального центра занимают представители элит, не пользующиеся популярностью в своей этнической среде, которые транслируют уже свои виктимизирующие массовое

сознание исторические интерпретации трактовки текущих социально-политических и экономических событий.

Как правило, они направлены на противодействие дезинтеграционным смыслам, внедряемым в массовое сознание. Эти условно «провластные» представители этнической элиты могут отторгаться отдельной частью этнической группы и поддерживаться тем спектром социума, который, благодаря близости к фаворитам федеральной власти, повышает личные статусные позиции, но может не сохранить своей лояльности при утрате их лидерами поддержки патронов.

Снижение возможностей или необходимости федерального центра поддерживать статусные позиции этнических элит потенциально приведет к нарастанию конфликтной мобилизации, поскольку поддерживающие теми или иными способами спокойствие в этнической среде лидеры теряют свое влияние и/или сокращают лояльность.

Представители «романтической» части элиты нацелены на сохранение, восстановление и дальнейшее сохранение утраченных этнокультурных ценностей, сохранение этнической идентичности, препятствование ассимиляции. Через акцентирование внимания на утрату маркеров идентичности вследствие совершенных против этноса преступлений, ее представители пробуждают интерес и потребность в сохранении и развитии этнической культуры, этнической памяти и идентичности. Это особенно актуально в ситуации, когда сохранение языка и культуры становится уделом преимущественно национально-культурных сообществ и старшего поколения.

Ориентация молодежи на глобалистские ценности, на реализацию личных жизненных треков, утрата экономической целесообразности в глубоком знании своего языка и культуры делает виктимизацию жертвы с акцентом на сатисфакции инструментом привлечения внимания к сохранению этнической идентичности. Стирание границ между контактирующими этносами приводит к использованию виктимизирующих контекстов для сохранения этнической идентичности, обостряя и закрепляя комплекс жертвы в массовом сознании этнической общности. В архаизирующихся этнических общностях виктимизация массового сознания может использоваться как аргумент для максимального этнического дистанцирования.

Механизмы сохранения и закрепления комплекса жертвы в коллективном сознании этнических общностей

Наибольшее внимание в виктимизации массового сознания со стороны этнических элит уделяется образу «жертвы-трагедии», где базовым является дискурс геноцида, который является одним из основных инструментов виктимизации общественного сознания не только в рамках рассматриваемых этнических рамок.

После событий, связанных с прямыми политическими последствиями международного признания преступлений нацистской Германии против евреев стала очевидной прямая политическая и материальная выгода, связанная со статусом жертвы (Бахревский 2013), тенденция на превращение памяти о Холокосте в «гражданскую религию» Запада (Копосов, 2011) способствовала попыткам этнических элит Кавказа разработки собственных концепций «геноцида».

Как правило, они в той или иной степени они связываются с политикой российского государства на разных этапах его развития в отношении народов, проживающих в современной России. В большинстве случаев это интерпретация насильственного переселения этнических общностей в 1944 г., но в некоторых из них присутствует удревнение конструируемых версий геноцида. В качестве примера можно привести концепции «геноцида карачаево-балкарского народа», «геноцида ногайцев», «геноцида ингушей», «геноцида чеченцев», «геноцида крымских татар», «геноцида черкесов», «геноцида турок-месхетинцев», которые подробно описаны специалистами в данной области (Бахревский 2013).

При этом основанные на различных версиях «геноцида» виктимологически обусловленные этностатусные претензии проявляются у обладавших государственностью, или претендовавших на нее этнических групп, и усугубляются сконструированной в общественном сознании агрессии со стороны контактирующих этносов или государства.

Требования о признании геноцида в большинстве случаев коррелируют с заявлениями о необходимости и неизбежности восстановления законных прав этнической общности на свою территорию и национальную государственность. На основе мифа об уничтоженной независимой государственности формируется образ жертвы-государства. Он является базой для попыток объединения вокруг общей цели – «восстановлении» национальной государственности или статуса до факта совершения условного преступления против этноса, обеспечивающего ему доминирующее статусное положение в полиэтническом социуме. При этом Россия, как правило, обвиняется не только в уничтожении национальной государственности, но и в целенаправленном препятствовании формированию политической нации на современном этапе у народов, ставших ее жертвой в прошлом.

В интернет-пространстве, в том числе на некоторых социальных ресурсах, может пропагандироваться необходимость ослабления позиций федерального центра на территориях проживания рассматриваемых этносов, распада Российского государства и выхода этих территорий из политического и территориального пространства РФ.

Одним из ключевых аспектов виктимизации составляющей формирования конструкта «жертвы-народа» являются требования признания отдельных этносов коренными народами. Зачастую они содержат претензии на реституцию, которая бы обеспечивала этническим общностям исключи-

тельные юридические права на земли, территории и ресурсы, восстановления этнически окрашенной топонимики.

В качестве обоснования для подобных требований используются антироссийские интерпретации этнической истории и текущих событий, затрагивающих жизнь этнической общности. В массовое сознание внедряется идея о необходимости культивирования националистических идей.

Одним из основных компонентов формирования образа жертвы-народа является постоянное апеллирование к ущемлению прав человека. Законодательно обусловленные действия государственной и региональной власти в отношении интерпретируются как репрессивная политика, как преследования активистов за различные проявления борьбы за собственную идентичность и права.

Также в массовое сознание активно внедряется образ жертвы-потери, который формируется на основе мифологизированных представлений о колоссальных утратах, которые понесли этнические общности в результате колониальной политики Российского государства. В частности, Россия объявляется виновной в утрате традиционных ценностей, в вырождении языка и культуры рассматриваемых этносов, утрате их доминирующего положения в полиэтническом социуме (Косов, 2017).

Второстепенным по целевой нагрузке, но наиболее широко распространенным в информационном пространстве, является конструирование образа жертвы-героя. Оно основывается на антироссийских интерпретациях истории, наполненных этнофаavorитизмом и антироссийскими историческим содержанием, и реализуется через героизацию этнических общностей, их моральном, военном и интеллектуальном превосходстве над русскими в целом. Исторические мифы также используются для этнической консолидации, формирования доминирования этнической идентичности виктимизируемых этнических групп над общероссийской гражданской идентичностью, конфронтационных настроений по отношению к государственной власти РФ и русским как этносу.

Фиксация комплекса жертвы в массовом сознании реализуется через конфликтную риторику, связанную с различными мнемоническими местами, которые зачастую искусственно наполняются негативным антироссийским содержанием. Образ жертвы активно сакрализуется и становится неотъемлемой частью этнической культуры, вокруг него формируются новые ритуалы, обычаи, традиции.

Характерен перевод в плоскость негативизации политики российской власти в отношении этнических общностей различных событий, непосредственно не связанных с этнической тематикой. Так, прослеживается включение этнических организаций и лидеров в решение вопросов социально-экономического характера, в частности, в сфере использования и эксплуатации земельных ресурсов, различных законодательных инициатив, которые переносятся в сферу обвинений России и формирования конфликтной мобилизационной повестке. Многие инициативы, исходящие от республиканских и

федеральных властей РФ и направленные на укрепление интеграции этнических сообществ в пространство общероссийской гражданской идентичности и обеспечение бесконфликтного этнического взаимодействия, дискредитируются отдельными представителями элитных групп этнических общностей.

При этом, рассуждая о виктимизации массового сознания как рациональном выборе представителей этнических элит Северного Кавказа и крымских татар необходимо отметить, что они имеют под собой реальные исторические предпосылки, в основном связанные с насильственным переселением 1944 г. Сформированный на этой основе комплекс жертвы очевидно препятствует нивелированию конфликтных проявлений со стороны этнических групп, поскольку препятствует их переводу из области конфликта идентичностей в область конфликта интересов, которые уже становятся основой для урегулирования. Ведь основной задачей этнической мобилизации является «трансформация конфликта интересов в конфликт ценностей (идентичностей)», которая «делает его особенно взрывоопасным и повышает риски применения вооруженной силы» (Авксентьев, Аксюмов & Гриценко, 2020).

При этом проблему осложняет также то, что этнические лидеры, зачастую объединяющие в себе функционал «прагматиков» и «романтиков», понимая невозможность открытого проявления недовольства, переводят этнические общности в режим ожидания, проявляя свои требования сугубо в рамках действующего законодательства, используя тактику непрямого сопротивления, концентрируя свои требования на постепенном наращивании этнокультурного и этноисторического доминирования в полиэтническом социуме. Поэтому ставка на лояльных федеральной власти номинальных лидеров и их эффективность, могут оказаться иллюзорными.

Кроме того, даже в случае успешной трансформации противоречий в область интересов не гарантирует успешного их разрешения, поскольку этнические конфликты, которые отягощены виктимной повесткой и имеющие в своей основе объективные исторические предпосылки, вполне подвержены действию закона возрастающих потребностей, что делает их неразрешимыми. Феномен противоречивости этнического статуса, взаимосвязь «рассогласованности между объективными статусными показателями и несоответствия объективного статуса его субъективному восприятию» (Маковская, 2016), дающий пространство для постоянной неудовлетворенности этнических элит и этнических общностей своим статусным положением, служит своеобразным вечным двигателем этнической конфликтности, не позволяющей достичь полного его разрешения.

Эта проблематика требует активной филигранной работы со стороны органов власти, постоянного сохранения баланса в реализации этнической политики. Действия государства, направленные на формирование российской гражданской идентичности, на укрепление интеграционных тенденций пока не достигли эффекта, позволяющего полностью разрешить существующие в этнической плоскости проблемы, и на данный момент в России «сохраняются

установки на дальнейшую этнизацию общества и политическое оформление этничности» (Авксентьев, Аксумов & Гриценко, 2020). Существующая ситуация требует действенных решений, в качестве которого, возможно, стоит рассмотреть вопрос о выводе из основы федеративного территориального устройства Российской Федерации этнической подоплёки.

Список литературы

- Casey, M. (2022). Decolonize Russia. Извлечено от The Atlantic website: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/russia-putin-colonization-ukraine-chechnya/639428/>
- Harff, B. & Gurr TR. (1989). Victims of the State: Genocides, Politicides and Group Repression since 1945. *International Review of Victimology*. doi: [10.1177/026975808900100103](https://doi.org/10.1177/026975808900100103)
- Wallengren, S., Wigerfelt A, Wigerfelt, B., & Mellgren, C. (2020). Visibility and vulnerability: A mixed methodology approach to studying Roma individuals' victimization experiences. *International Review of Victimology*, 26(3), 276–294. doi: [10.1177/0269758019885676](https://doi.org/10.1177/0269758019885676)
- Авксентьев, В., Аксумов, Б., & Гриценко, Г. (2020). Этничность в политических конфликтах: Этнизация политики и политизация этничности. *Политическая наука*, 3, 74–79. doi: [10.31249/poln/2020.03.04](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04)
- Андронникова, О. О. (2019). Онтогенетическая концепция виктимности личности.
- Ачкасов, В. А. (2015). Роль элит в провоцировании и эскалации этнополитических конфликтов. *Власть и элиты*, Т.2, 209–233.
- Бахревский, Е. В. (2013). Современные концепции «геноцида» народов Кавказа. *Проблемы национальной стратегии*, 5, 91–112.
- Велешко, Е. Н. (2007). Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымско-татарских репатриантов.
- Вишневецкий, К. В. (2012). Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: Монография. *Закон и право*.
- Водак, Р. (2018). *Политика страха. Что значит дискурс правых популистов?* Гуманитарный центр.
- Гостунская, Я. И. (2007). Психолого-педагогическая помощь семье в процессе ресоциализации подростка с девиантной виктимностью.
- Захаров, А. (2012). «Спящий институт»: Федерализм в современной России в мире. *Новое литературное обозрение*.
- Инкижекова, М. С. (2010). Этническая элита как историко-культурный феномен. *Известия Уральского государственного университета*, 1, 91–97.
- Копосов, Н. (2011). Память строгого режима: История и политика в России. Извлечено от Русский журнал website: <http://www.russ.ru/pole/Politika-pamyati-i-memorial-nye-zakony>.
- Косов, Г. В. (2017). Некоторые тенденции в информационном обеспечении национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения в контексте современных социальных вызовов (по материалам северо-кавказских СМИ). *Социальная политика и социальное партнерство*, 12, 26–33.
- Маковская, Д. В. (2016). Противоречивость этнического статуса как фактор территориальной дезинтеграции. *ПОЛИТЭКС*, 12(1), 129–142.

Малахов, В. (2007). Этничность в Большом городе. Извлечено от Русский журнал website: <http://www.russ.ru/pole/Etnichnost-v-Bol-shom-gorode>.

Налчаджян, А. А. (2011). Этническая виктимология и психоистория этноцида. Лусакн.

Черновицкая, Ю. В. (2008). «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты). Вопросы философии, 10, 165–171.

References

- Achkasov, V. A. (2015). The role of elites in provoking and escalating ethno-political conflicts. *Power and Elites*, V(2), 209–233. (In Russian).
- Andronnikova, O. O. (2019). Ontogenetic concept of personality victimization. (In Russian).
- Avksentiev, V., Aksyumov, B., & Gritsenko, G. (2020). Ethnicity in political conflicts: The Ethnization of politics and the politicization of ethnicity. *Political Science*, 3, 74–79. doi: 10.31249/poln/2020.03.04 (In Russian).
- Bakhrevsky, E. V. (2013). Modern Concepts of «Genocide» of the Peoples of the Caucasus. *Problems of National Strategy*, 5, 91–112. (In Russian).
- Casey, M. (2022). Decolonize Russia. Retrieved from The Atlantic website: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/05/russia-putin-colonization-ukraine-chechnya/639428/>
- Chernovitskaya, Y. V. (2008). Indirect genocide in modern society (socio-philosophical aspects). *Questions of Philosophy*, 10, 165–171. (In Russian).
- Gpstunskaya Ya. I (2007). Psychological and pedagogical assistance to the family in the process of re-socialization a teenager with deviant victimhood. (In Russian).
- Harff, & Gurr TR., B. (1989). Victims of the State: Genocides, Politicides and Group Repression since 1945. *International Review of Victimology*. doi: 10.1177/026975808900100103
- Inkizhekova, M. S. (2010). Ethnic elite as a historical and cultural phenomenon. *Proceedings of the Ural State University*, 1, 91–97. (In Russian).
- Koposov, N. (2011). The memory of a strict regime: History and politics in Russia. Retrieved from Russian Journal website: <http://www.russ.ru/pole/> (In Russian).
- Kosov, G. V. (2017). Some trends in the information support of national-cultural and ethno-religious self-determination in the context of modern social challenges (based on the materials of the North Caucasian media). *Social Policy and Social Partnership*, 12, 26–33. (In Russian).
- Makovskaya, D. V. (2016). Inconsistency of ethnic status as a factor of territorial disintegration. *POLITEKS*, 12(1), 129–142. (In Russian).
- Malakhov, V. (2007). *Ethnicity in the Big City*. Retrieved from Russian Journal website: <http://www.russ.ru/pole/Etnichnost-v-Bol-shom-gorode>. (In Russian).
- Nalchadzhyan, A. A. (2011). *Ethnic victimology and psychohistory of ethnocide*. Lusakn. (In Russian).
- Veleshko, E. N. (2007). Influence of victim factors on the political behavior of the Crimean Tatar repatriates. *Simferopol*. (In Russian).
- Vishnevetsky, K. V. (2012). Criminogenic victimization of social groups in modern society: Monograph. *Law and Law*. (In Russian).
- Wallengren, S., Wigerfelt, A., Wigerfelt, B., & Mellgren, C. (2020). Visibility and vulnerability: A mixed methodology approach to studying Roma individuals' victimization experiences. *International Review of Victimology*, 26(3), 276–294. doi: [10.1177/0269758019885676](https://doi.org/10.1177/0269758019885676)

Wodak, R. (2018). *The Politics of Fear. What does right-wing populist discourse mean?* Humanitarian Center. (In Russian).

Zakharov, A. (2012). *Sleeping Institute»: Federalism in Contemporary Russia and in the world.* New Literary Review. (In Russian).